

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6я44
Б43

Издательство выражает благодарность за подготовку книги
литературному агенту *Анне Панкевич*

Идея обложки: *А. Панкевич*

Дизайн обложки: *Д. Агапонов*

Б43 Белковский, Станислав Александрович.
12 ; Брейгель / Станислав Белковский. — Москва : Издательство
АСТ, 2019. — 138, 118 с. разд. паг. — (Ангедония. Проект
Данишевского).

Эта книга — результат творческих усилий и изысканий политолога и
писателя Станислава Белковского в 2018 году.

Пьеса «12» была написана специально к 100-летию Большого
драматического театра имени Георгия Товстоногова, отмечавшемуся в марте
нынешнего года. Она посвящена личности его сооснователя и первого
художественного руководителя Александра Блока.

Повесть «Брейгель» — о необычайных похождениях-приключениях
полного тезки и двойника автора, политического консультанта на пенсии,
живущего в столице, в районе культовых Патриарших прудов. Герой
стремится во что бы то ни стало попасть в Вену на выставку Питера
Брейгеля-старшего.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6я44

ISBN 978-5-17-112593-6 © Станислав Белковский, текст, 2019
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2019

Литературно-художественное издание
АНГЕДОНИЯ. ПРОЕКТ ДАНИШЕВСКОГО

Белковский Станислав Александрович

12

Руководитель проекта *И. Данишевский*
Ответственный редактор *М. Андрюкова*
Технический редактор *О. Лёвкин*
Компьютерная верстка *Л. Панина*
Корректоры *А. Мартынова, Н. Арацкая*

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звёздный бульвар, дом 21, строение 1, комната 705, пом. 1, 7 этаж.
Наш электронный адрес: www.ast.ru

E-mail: astpub@aha.ru

«Баспа Аста» деген ООО
129085, Маскеу қ., Звёздный бульвары, 21-үй, 1-құрылыс, 705-бөлме, 1 жай, 7-қабат.
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz
Интернет-дукен: www.book24.kz

Импортер в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».
Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию в Республике Казахстан:
ТОО «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасындағы дистрибьютор
және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбаровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8(727) 251 59 89, 90, 91, 92
Факс: 8 (727) 251 58 12, вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 23.04.2019. Формат 60х90^{1/16}.
Гарнитура «OriginalGaramond». Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,0.
Тираж экз. Заказ

Дорогие друзья.

Эта книга — результат моих усилий и изысканий 2018 года.

12

Пьеса «12» была написана специально к 100-летию санкт-петербургского Большого драматического театра (БДТ) имени Георгия Товстоногова, отмечавшемуся в марте 2019 года. Внезапно я вспомнил — впрочем, это везде написано, просто «мы ленивы и нелюбопытны» (с), — что сооснователем и первым главой художественного совета был Александр Блок. Я поступил просто и цинично. Взял фрагменты нескольких пьес Блока, его стихи, разбавил их своими собственными измышлениями — впрочем, в изрядном количестве, заправил наиболее скандальными моментами из «порнографических» (по мнению Анны Ахматовой) мемуаров жены Блока Любови Дмитриевны Менделеевой, посыпал цитатами из Ивана Бунина, который Блока ненавидел, залил все это сверху завещанием Людвиг ван Бетховена — и блюдо готово. Подобно мести, его нужно употреблять холодным. Цитаты из Блока / Менделеевой / Бунина / Бетховена не так просто отделить от моего собственного текста (это я хочу дать понять, что мои пассажи так хороши, что их легко можно перепутать с творчеством великих), но Вы, мой читатель, блестяще справитесь, я не сомневаюсь.

3

«Брейгель» — первая повесть из цикла о необычайных похождениях — приключениях Стасика Белковского. Спившегося и обанкротившегося политического консультанта на пенсии, живущего в Москве, в районе культовых Патриарших прудов. Стасик очень хочет совершить невозможное — попасть на легендарную выставку Питера Брейгеля-старшего, которая проходила с осени 2018-го по 13 января 2019 года в Вене, в Музее истории искусств. Для этого нужны деньги, и вот Белковский влезает в целую серию авантюр, чтобы их раздобыть. Заканчивается всё счастливо: отставной политконсультант таки добирается в Вену в последний день выставки. Но дальше происходит некое невероятное событие, которое переворачивает ход вещей. Какое — узнаете, прочитав моего «Брейгеля». Отдельно рассказана история любовных отношений Стасика с Гретой и Лаурой — публикуется впервые.

Я очень рассчитываю на Ваше благосклонное внимание к моим сочинениям.

Всегда Ваш,

Станислав Белковский

Комедия в N действиях

Действующие лица

12

Иисус.

Автор.

Другой.

Прекрасная Дама.

Екатерина.

Пётр (апостол, пьян).

Иван (апостол, трезв).

Андрей (апостол, отчасти трезв).

Старуха.

Сын.

Доктор Альфред Розенберг.

Гамлет.

Офелия.

Красноармейцы (8–9).

Проститутки (5–6).

Хор — совместное предприятие красноармейцев
и проституток.

Голос из хора.

5

Действие происходит в Петрограде и других отдельных местностях / временах.

Голос из хора. Другой. Пётр. Старуха. Андрей.

Голос из хора.

Чёрный вечер.

Белый снег.

Ветер, ветер!

На ногах не стоит человек.

Ветер, ветер —

На всем Божьем свете!

В зале дует реальный ветер, на сцену и зрителей обрушивается снег.

Другой.

Серые зимние сумерки в Москве. Февраль. Еду на Лубянку, за эти годы снова так прославившуюся. Стою на площадке трамвая. Возле меня стоит, покачивается военный курьер. Казённый фельдъегерь. Разве вагон качает? Нет, к общему и большому удивлению, курьер основательно пьян. В военное время, с какими-то лиловыми пакетами в руках, — и пьян. И всё щурится, ядовито, как-то весело и горестно ухмыляется, водит глазами, ищет собеседника.

Пётр.

А позвольте спросить... Вот вы, конечно, интеллигентный человек и прочая и прочая. А позвольте спросить, как говорится, вопрос.

Другой.

Насчёт чего?

Пётр.

А вот насчёт чего: где именно в Москве фонарь номер первый? Не сочтите это за придирку, а просто... ответьте.

Другой.

Ничего не понимаю. Какой фонарь?

Пётр.

А вы не лукавьте, не виляйте, сделайте милость. Я вас очень просто спрашиваю, ставлю вопрос ребром: где именно в Москве номер первый?

Другой.

К великому моему сожалению, понятия не имею.

Пётр.

Эх, вы, защитники народа, передовая, блядь, интеллигенция. Так и знал, что ни хуя не знаете. А у кого в Москве велосипед номер первый? Тоже, конечно, не знаете. А ведь послушай вас: мы, мол, такие, сякие, мы соль земли и тому подобное, прочая и прочая! Ну, да ничего, скоро пойдёт музыка другая, узнаете...

Старуха (*пытается войти в автобус с гробом*).

Господин кондуктор! Господин кондуктор! У вас в автобусе с покойничками пуцают?

Андрей.

А что же покойник — во гробе?

Старуха.

Во гробе, сыночек.

Андрей.

А сам ходить не может?

Старуха.

Не может. Деточка моя. Нет, так-то может. Стомился только слишком. Ночь была беспокойная. Не спали почти.

Андрей.

Ладно, пусть будет. Хлипкий нынче покойник пошёл. Ленивый. У нас такого не было. Три дня — и весь как новенький. На своих двоих. Даже гроб не заказывали. Тебе, старая, 63 уже будет?

Старуха.

Да разве не знаешь, Андрюша, сколько мне нынче? Не узнаёшь?

Пауза.

Пётр.

Покойнички! Кутья, венчики, во блаженном успехе. Ну, да ничего, скоро уж, скоро. Будет вам хорошая музыка!

Показывает пальцем в небо, откуда звучит Вагнер — «Полёт Валькирий».

8

Другой.

Так услышал я про эту музыку — от курьера. А раньше ещё слышал — от Блока. Слушайте, типа, слушайте музыку революции! Революции здесь хотят всегда те, кого она первым убьёт. Впрочем, Блок был дурак, ему можно.

Панихида.

На сцене — гроб с телом Автора.

Иван. Андрей. Старуха. Доктор Розенберг. Прекрасная Дама. Пётр. Сын. Другой. Хор.

Иван.

Товарищи! Братья и сёстры! Я никогда не встречал человека, настолько чуждого лжи и притворству. Главная черта его личности — необыкновенное бесстрашие правды. Он сказал себе раз и навсегда, что нельзя бороться за всенародную, всемирную правду — и притом лгать хоть в какой-то мелочи. Совесть общественная сильна лишь тогда, когда она опирается на личную совесть, — об этом Александр Александрович говорил не раз.

12

Читая его критические статьи и рецензии, я, даже не соглашаясь с ними, всегда восхищался их бесстрашной правдивостью, доведённой до крайности. В этих статьях он никогда не боялся вынести даже лучшему другу беспощадный смертный приговор. Конечно, друг становился врагом, но Блока это никогда не тревожило.

Даже из сострадания, из жалости он не счёл себя вправе отклониться от истины. Говорил её с трудом, как принуждаемый кем-то, но всегда без обиняков, откровенно.

Может быть, все это мелочи, но нельзя же делить правду на большую и маленькую. Именно потому, что Блок привык повседневно служить самой маленькой, житейской, скромной правде, он и мог, когда настало время, встать за правду большую.

9

Много нужно было героического правдолюбия ему, аристократу, эстету, чтобы в том кругу, где он жил, заявить себя приверженцем нового строя. Он знал, что это значит для него — отречься от старых друзей, остаться одиноким, быть оплётанным теми, кого он любил, отдать себя на растерзание своре бешеных газетных борзых, которые ещё вчера так угодливо виляли хвостами, но я никогда не забуду, какой счастливый и верующий

он стоял под этим ураганом проклятий. Сбылось долгожданное, то, о чём пророчествовали ему кровавые зори. В те дни мы встречались с ним особенно часто. Он буквально помолодел и расцвёл. Оказалось, что он, которого многие тогдашние люди издавна привыкли считать декадентом, упадочником, словно создан для борьбы за социальную правду.

«Только правда, — как бы она ни была тяжела, легка, — “легкое бремя”, — писал он в своём дневнике. — Правду, исчезнувшую из русской жизни, возвращать — наше дело».

Андрей.

Как должно быть сейчас стыдно тем, кто по поводу «Двенадцати» вопили, что Блок продан большевикам. Блок, который умер от цинги, от голодухи, умер от советского режима. Мы можем сказать прямо: убийца Александра Александровича Блока — Владимир Ильич Ленин. В число кроликов, над которыми производился эксперимент, по несчастной случайности попал один из величайших русских лириков — Александр Блок.

Со злобой предвидишь, что власть устроит ряд демонстраций у свежей могилы Александра Блока. Как возле Кремлёвской стены, как близ святынь Ясной Поляны — будут шумные доказательства коммунистической агитации и пропаганды. Он был наш! — будут уверять они, ссылаясь на отдельные места из «Двенадцати» и «Скифов». Нет, он не был ваш. Он был умучен вами.

О, как смутил этот Иисус Христос! Как дал он одним с восторгом зачислить Блока в свой большевистский лагерь, другим обрушиться на него. Когда-то мне тоже казалось, что Христос, идущий впереди красногвардейцев, обличает Блока. Но — прошли годы, перечитываю, читаю снова «Двенадцать», и кажется, что слишком просто и прямолинейно пристегивать к поэту большевизм. Разве

такими линиями и красками рисовал бы он Русь и апостолов, если бы был с ними? Блок — это «новая тяжкая жертва, принесённая злым духом большевизму». Все те, кто не потерял способности чувствовать, живя среди ужасов нашей России, знали, с кем Блок, ходивший последние дни жизни без рубашки, с поднятым и заколотым воротником пиджака. Он умер, каким жил, одиноким, замкнутым и гордым.

Старуха.

А как там мой Сашенька? Моя деточка? Не простудился ли? В гробу, говорят, иней, отопление на лето отключают. Дураки они. Какое ж у нас лето? Это зима везде такая, как у нас лето. Чего ж отопление-то выключать? Я-то мандаринчиков только ему добыла, да поздно стало. Это всё актриса его погубила. Спектакли, репетиции, репетиции, спектакли. Не до мужа ей было. Стирать правильно не могла. Ведро вовремя не выносила. Тряпки грязные всегда. А наш-то город смертью пахнет, с рождения. Цинга, чахотка, что поделаешь.

12

Доктор Розенберг.

Не стебьтесь, мадам. Здесь панихида, а не стенд-апшоу. Все знают, отчего умер Блок. От сифилиса — вот отчего. 317 проституток у него было за всю жизнь. Данные объективных измерений Наблюдательного департамента. Сифилис, как известно, убивает мозг. Вот после «Скифов» он ничего приличного и не написал.

11

Пауза.

Прекрасная Дама.

Во вторник, когда я пришла откуда-то, он лежал на кушетке в комнате. Александр Александрович позвал меня и сказал, что у него, вероятно, жар; смерили — оказа-

лось 37,6. Уложили его в постель. Вечером был доктор. Ломило все тело, особенно руки и ноги — что у него было всю зиму. Ночью был плохой сон, испарина, нет чувства отдыха утром, тяжёлые кошмары — это его особенно мучило. Вообще состояние его психики — мне казалось сразу ненормальным. Хотя уловить явных нарушений было нельзя. Когда мы говорили с ним об этом, мы так формулировали в конце концов: всегдашнее Сашино нормальное состояние — уже представляет громадное отклонение для простого человека. И в том — была бы уже болезнь, его смены настроения — от детского веселья к мрачному, удручённому пессимизму, несопротивление, никогда, ничему плохому, вспышки раздражения, с битьём мебели и посуды. После них прежде он как-то испуганно начинал плакать, хватался за голову, говорил: «Что же это со мною? Ты же видишь!» — в такие минуты, как бы он ни обидел меня перед этим, он сейчас же становился ребенком для меня. И я уже не могла обижаться.

В нём возникла страшная раздражительность, отвращение ко всему — к стенам, картинам, вещам, ко мне. Раз как-то утром он встал и не ложился опять, сидел в кресле у круглого столика около печки. Я уговаривала его опять лечь, говорила, что ноги отекут — он страшно раздражался с ужасом и слезами: «Да что ты с пустяками! Что ноги, когда мне сны страшные снятся, видения страшные, если начинаю засыпать...», при этом он хватал со стола и бросал на пол всё, что там было, и большую голубую кустарную вазу, которую я ему подарила и которую он прежде любил, и своё маленькое карманное зеркало, в которое он всегда смотрелся, и когда брился, и когда на ночь мазал губы помадой или лицо борным вазелином. Зеркало разбилось вдребезги. Я не смогла выгнать из сердца ужас, который так и остался, притаившись на дне, от

этого им самим нарочно разбитого зеркала. Я про него никому не сказала, сама тщательно всё вымела и выбросила.

Пауза.

Старуха всё на меня жаловалась Саше: «Обидела, Люба меня ненавидит...» Если бы знать, если бы понимать, что имеешь дело с почти сумасшедшей, во всяком случае, с неменяемой, можно было бы просто пропустить всё мимо ушей и смотреть как на пустое место. Но Саша принимал свою мать всерьёз, и я за ним тоже. Насколько это было ошибочно, покажут будущему внимательному исследователю её письма. Горя эта ошибка принесла и Саше, и мне очень много. И для меня большое облегчение, что я могу сложить с себя обязанность судить этот восемнадцатилетний спор между нами тремя. Я предпочитаю передать его ученикам Фрейда.

12

Доктор Розенберг.

У Александры Андреевны чистейшая проекция, поверьте. Она не может себе простить, что разошлась с отцом Блока. Её другой муж-генерал был полное ничтожество. И она завидовала Менделеевой, что у той отец Менделеев. Большой, всемирный учёный. Про разницу водорода и гелия. Не то что наш мелкопоместный солдафон.

13

Прекрасная Дама.

И потому, что бы ни случилось с нами, как бы ни теряла жизнь, — у нас всегда был выход в этот мир, где мы были неизменно неразлучны, верны и чисты. В нём нам всегда было легко и надёжно, если мы даже и плакали порой о земных наших бедах.

Когда Саша заболел, он не смог больше уходить туда. Ещё в середине мая он нарисовал карикатуру на себя — оттуда — это было последнее. Болезнь отняла у него и этот отдых. Только за неделю до смерти, очнувшись от забытья, он вдруг спросил на нашем языке, отчего я вся в слезах — последняя нежность.

Пётр.

А меня Сан Саныч любили. Только почему-то всегда Семёном называли. Я и говорю: «Барин, Пётр я, не Семён». Но я не всегда ему говорил. А только когда он водочки накушается. Тогда сначала добрый был. Когда винищем отлакирует — уже снова злой. А сначала, если граммов триста-четыреста — добрый. Он отвечал мне. Он подмечал меня. Говорил: «Может ты, сука, когда Петром и стал, но отродясь ты полный как есть Семён. Я всех помню, кто в усадьбе родился». Как же ты помнить можешь, ваше высокородие, если ты вечно бухой? А брат мой Андрюха тогда сказал: «Может, ты сын его внебрачный? Он же до того, как на блядей перешёл, всё больше крестьянками баловался». Я и подумал. Если я внебрачный сын... Можно же, говорят, теперь как-то доказать. Анализ сделать. И тогда я получу наследство. Всю усадьбу получу. Продам и уеду насовсем в Питер. И там заживём. Андрюхе ещё останется. Детей у барина всё равно нет. А Любку и травануть можно. Её вон старшая барыня как ненавидит!

Сын.

Благодаря папе я часто ездил за границу. По двадцати раз в году, наверное. Меня всегда отправляли то в Африку, то в Южную Америку. А иногда и в Европу, в Италию, где отец так любил гулять. Мне дали квартиру на «Аэропорте», и я привозил туда из поездок экзотические вещи. То эбонитовый секретер, то элек-

трический мини-бар. Я был один из немногих русских писателей, кто умел правильно пить мартини и кампари одновременно. Но я никогда никому не раскрывал, что я сын Александра Александровича. Это было нельзя, запрещено, табу. Ведь официально, по Большой советской энциклопедии, у Блока не было детей. Он не мог иметь детей. Он любил революцию и Прекрасную Даму. В такой последовательности: сначала революцию, потом Прекрасную Даму. И все ценили меня за мою верность тайне. Потому юбилей мой, 50 лет, отмечали мы в ЦДЛе, в Дубовом зале. И пришли даже Нагибин с Евтушенко. Вы представляете. А Светлов, Михал Аркадьич, эпиграмму мне написал: «Его шекспировские страсти посвящены советской власти». Думал — про отца, а это — про меня. Спасибо, товарищ Блок. Я не видел тебя никогда. Но всегда знал, что ты рядом. Жаль, что так грустно встретились.

12

Доктор Розенберг.

А эпиграмма разве светловская? Вы ничего не путаете?

Сын.

Нет, вы всё-таки очень далеки от нашей жизни. Не представляете, каких трудов стоит организовать такой банкет. Год жизни убит, уверяю вас! Да, приходится отмечать на полгода позже. Но лучше поздно, чем никогда! Учитесь жить, молодой человек!..

15

Пётр.

А я ведь по пьяни библиотеку его поджёл. Там, у нас, в Шахматове. Кому она всё равно на хер нужна? В наше время книжки никто не читает. Уже вокруг везде Интернет один. Но одну книжечку-то я спиздил, приберёл. Какая-то сирийская Библия. Мне Сан Саныч рассказывал, когда русские войска из Сирии уходили,